

Золотарев Давид Алексеевич

Лопарская экспедиция

**Expédton ethnologque en Lapone 11.1 -
11.5 1927-го года**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д13

Д13 **Давид Алексеевич З.**
Лопарская экспедиция: Expédton ethnologique en Lapone 11.1 - 11.5 1927-го года / Золотарев
Давид Алексеевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 51 с.

ISBN 978-5-519-86296-7

ISBN 978-5-519-86296-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

приняли 16 взрослых лопарей. Они приходили в своих меховых малицах или печках. Тут же раздевались по нашему предложению и, не проявляя недовольства и особого любопытства, спокойно подвергались подробным измерениям, осмотру и различным мало понятным для них операциям, включая изоагглютинацию крови. Условия освещения позволяли заниматься измерениями не более 4—5 часов. Около трех часов дня в комнате становилось затруднительным читать цифры инструментов.

Стояла холодная ветряная погода, не располагавшая к тому, чтобы свободное время употребить на наблюдения на улице. Обойдя небольшой поселок, находящийся рядом со станцией и состоящий из построек железнодорожников, колонистов и лопарей, сравнительно недавно образовавших Пулозеро вместо старого Масельского погоста, мы осмотрели лопарские избы, побывали у жившего здесь заведующего постройкой пешеходной дороги Пулозеро—Ловозеро инженера А. К. Мореншильда и при содействии заведующего Мурманским Музеем А. Н. Михайлова, специально приехавшего помочь нам, стали готовиться к отъезду в Ловозерский погост.

Пулозерский погост имеет 26 дворов с 106 жителями. Близость железной дороги отражается на всем укладе жизни пулозерских лоп-

рей. Они, как и остальные, занимаются оленеводством и рыболовством, но вывозка дров, перевозка грузов и пассажиров играют для них большую роль. При этом, нельзя сказать, чтобы они жили бедно. Разложение старого хозяйственного быта сказывается на пулозерских лопарях, производящих здесь довольно жалкое впечатление. Зато здесь чувствуется влияние городской культуры.

Пожилой лопарь из З. Иоканги.

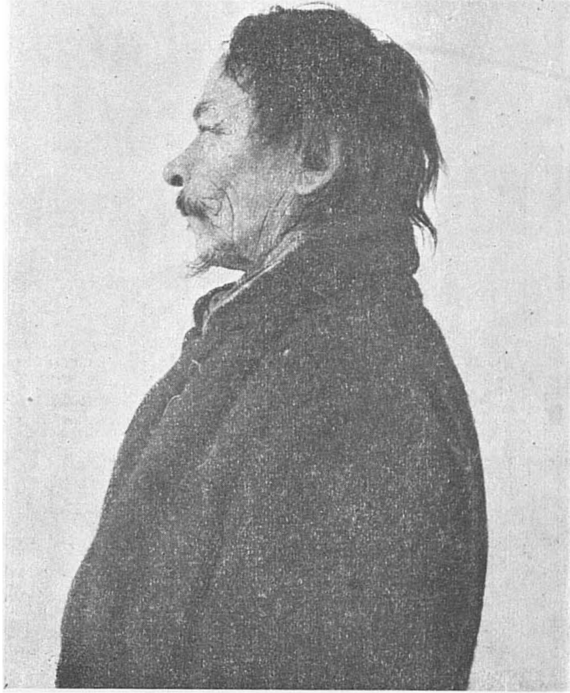
Вечером учитель железнодорожной школы пригласил нас на спектакль в железнодорожном клубе. В большом помещении на длинных лавках расположились зрители, среди которых больше половины было лопарей. Маленькие ребята, подростки и взрослые в своих северных костюмах — чаще всего в меховых малицах и пимах — с большим любопытством смотрели и слушали все, что предлагалось их вниманию.

Своеобразный вид зрителей, плакаты, украшающие помещение, вроде: «Жизнь коротка — искусство вечно», «Да здравствует девятая годовщина октября» и пр., только что привезенный граммофон, исполнивший речи тов. Бухарина о Краснове и голоде, тов. Ленина о

средняке, тов. Троцкого о кулаках и бедноте, военный марш дореволюционный и марш Буденого, агитационная пьеса, водевиль, детская пьеска «Пальмы и крокодил», предвыборная речь председателя Колыского волисполкома — все это говорило о том, что лопарская тундра, благодаря железной дороге, приобщилась к культуре и, может быть, не часто, но большими порциями принимает все, что могут дать местные культурные работники. Если не все было интересно и понятно лопарям, определенно казалось, что и здесь, среди полярной ночи, в глубокой тундре нарушена замкнутая жизнь с исключительно местными интересами, что тонкие нити, как телеграфные провода, связывают Пулозеро с новой для края жизнью, что будущее поколение уже не повторит жизни своих дедов и даже отцов.

Вместе с тем, мы поняли, что, выполнив антропологические работы, нам лучше ехать для этнографических наблюдений дальше на Восток, дальше от «Мурманки».

Готовясь сделать большой путь на оленях в самый холодный месяц, мы запаслись теплой одеждой. Усилив обычный костюм теплым бельем и носками, надев короткие полушубки, мы не без труда и усилий натянули на себя меховые чулки (лепты), высокие пимы и малицы, подпоясав их ремнями. Уже одеваясь, мы почувствовали необыкновенную жару. Представляя собою довольно неуклюжие резервуары тепла, мы двинулись около 6 час. вечера в Ловозеро, находящееся в 110 км. от Пулозера. Наш поезд состоял из трех подвод. Впереди на 4 оленях, запряженных в довольно высокие сани — нарты самоедского типа, ехал наш ямщик-лопарь лет 17—18, к нартам была подвязана пара оленей с низенькими санными и одним из нас, сзади ехали на тройке двое сотрудников экспедиции, самостоятельно управляя оленями.

Пожилой лопарь из З. Иоканги.

Путь из Пулозера до Ловозера является самым бойким и хорошим. В Ловозеро, как волостной центр и ближайший внутренний погост восточной части Кольского полуострова, ездят сравнительно часто. Лесная дорога местами очень хорошо укатана. Лишь старые пни, выглядывающие из-под снега заставляют посматривать, чтобы не удариться ногами об эти пни, или о камни, также местами выступающие из-под снега. Олени, даже загнанные пулозерские олени, усталые от постоянной езды, бегут бойко и весело. Не сразу привыкаешь к тому, что олени очень тяжело дышат, как опоенные лошади, и, повертывая головы, высовывают свои языки. Местами олени бегут целиной по глубокому снегу, погружаясь по грудь, ловко выскакивая из него и таща за собой сани. Ямщик, держа в руке единственную возжу-хигну, слегка погоняет оленей длинным шестом-хореем. Не-

смотря на мороз и ветер, ехать удивительно приятно. Первое время тепло, как в бане, затем проходит неприятный жар, становится просто тепло. Этому много способствует пазуха, образующаяся выше пояса, прекрасно сохраняющая тепло и позволяющая в случае надобности греть руки. В этой пазухе обычно держат табак и спички, что дает возможность даже во время езды курить. В старое время, говорят,

Лопарская девушка.

в ней возили спирт для согревания в пути. Проехав около 10 км., мы остановились для передышки оленей. При этом, ямщик бросал вперед хорей, слегка дергал налево хигну, и олени сразу останавливались. Они сейчас же начинали пить снег и разыскивать свой любимый ягель. При помощи рог, копыт и морды олени легко добираются до ягеля и, отдохнув минут пять, вновь бегут также бойко. Правда, мы ехали не так быстро, как описывали езду на оленях раньше. В среднем мы делали километров 10—12 в час. Проехав половину, около 60 км., мы остановились на берегу озера, достали воды и дров, развели костер и здесь провели часа три, вместо ночлега. Пока отдыхали и кормились олени, гуляя на свободе, мы пили чай и грели у костра ноги, больше всего пальцы и пятки. Они зяб-

нут, главным образом, потому, что подошвы, находясь на полозьях саней, касаясь снега, оттаивают и отпотевают. Сырость проникает внутрь обуви и способствует охлаждению ноги. В связи с этим необходимо прокладывать лепты и пимы стелькой из сена или соломы. Ночь, проведенная у костра при 25—28° градусном морозе, была необыкновенно приятным началом наших скитаний по тундре. Все, что приходилось читать и слышать о зимних поездках, достаточно сурово рисовало северное путешествие. То обстоятельство, что до сих пор еще ни одна этнографическая экспедиция не проехала нашим маршрутом, также как будто говорило о трудностях пути. Поэтому,

после первой остановки, мы уже бесповоротно и несравненно более смело сказали себе, что отступления не будет, и что мы надолго променяли железную дорогу на оленей. Вскоре после нас подъехали к костру инженер—строитель Ловозерской дороги и член президиума Мурманского Губернского Исполнительного Комитета, осматривавшие дорогу и направлявшиеся также в Ловозеро. Наш поезд увеличился. Несмотря на то, что дорога до Ловозера—наиболее торная в крае, мы два раза сбивались с пути и кружили. При ярком лунном свете наши ямщики сравнительно скоро находили дорогу, и мы выбирались на укатанный путь. Утром пришлось еще раз кормить оленей и греться у костра. Только здесь в 20 верстах от Ловозера, в 8—9 часов утра мы почувствовали настоящий холод; особенно зябли ноги. Если до сих пор поездка была только удовольствием, тут она стала неизбежной необходимостью, правда, пока не очень тяжелой.

Около 12 часов дня мы приехали в центр восточно-лопарской тундры—Ловозерский погост. Церковь, небольшие избы, среди которых выделялись ижемские двухэтажные постройки, вытя-

Самоедка—жена лопаря.

нувшиеся в линию, издали вырисовывались серым пятном на открытом пространстве ловозерской низины. Вдали виднелись, высоко поднимаясь, Ловозерские Хибины. Ясное почти безоблачное небо дало возможность любоваться картиной полуденного солнца, едва показавшегося из-за горного хребта и спрятавшегося, окрасив небосклон изумительными оттенками своего отблеска.

Мы приехали во время, как и стремились, за день до Крещения,—лопарского праздника,—связанного, как говорят, с возвращением солнца после зимнего перерыва.

Мы остановились в доме состоятельного ижемца, которого застали за работой: он, сидя около русской печки, нарезал мясо непосредственно с замороженной туши оленя. При этом он и другие члены семьи лакомились сырым мясом. Оленя оттаивали дома, готовясь к празднику.

Ловозеро многократно описывалось в старое время, поэтому, отметим лишь несколько штрихов для понимания места Ловозера в жизни лопарей и поделимся личными впечатлениями.

Ловозерский погост, как и другие лопарские поселки-погосты, является зимним селением, куда лопари съезжаются и где живут лишь зимние месяцы, начиная с ноября до апреля—мая. Ловозерский погост отличается от других тем, что он является волостным центром, объединяющим 9 населенных мест, расположенных на территории в 25.000 кв. км. и имеющих по предварительным данным переписи 1926—27 года—1.301 жителя, из них 510 лопарей. Здесь, как в административном центре, находятся волостные учреждения, школа, изба-читальня, приемный покой с фельдшером, ветеринарный пункт, кооператив, метеорологическая станция, замшевый завод и вновь открытая оленеводческая станция. Другой особенностью Ловозера является то, что в настоящее время это не только лопарский погост. Оказывается, здесь из 745 человек жителей приходится на лопарей третья часть, в то время как больше половины ижемцев—зырян, а кроме того, около 60 человек самоедов и 30 человек русских. Ловозеро, расположенное вдоль р. Вирмы в 2 км. от озера определенно разделяется на две части: один берег—лопарский, другой—ижемский, с большими двухэтажными домами. Таким образом, в лопарском центре лопари оказались в меньшинстве и даже под властью ижемцев. Надо напомнить, что ижемцы появились на Кольском полуострове только 40 лет тому назад, в 1887 году, когда 4 семьи переселились в Ловозеро из Печорского края по случаю распространения там эпизоотии, губившей оленей. С тех пор положение сильно изменилось, и количество ижемцев превысило исконное население не только в Ловозере, но и в Ловозерской волости в целом. Совершенно естественно, что ижемцы, более сильные физически, культурно и материально, по мере увеличения своей численности, оттеснили лопарей на второй план. Поэтому, наблюдая ловозерских лопарей, вы невольно чувствуете их забитость, хозяйственную слабость и культурную отсталость, и вместе с тем сознаете, что не они хозяева в их центре. Если облик Ловозера сильно изменился за 40 лет, то, все же, некоторые старые традиции сохранились. Одной из них является праздник Крещения. В старое время на праздник съезжались лопари отовсюду. Праздник и ярмарка в свободное время года, когда непроходимые тундры скованы льдом и покрыты снегом, привлекали общий интерес. Но и теперь, при изменившихся политических, экономических и культурно-бытовых условиях жизни лопарей, съезжается на праздник очень много гостей. Уже накануне праздника появились пьяные, ходили по домам ряженные, были заметны приезжие. Хотя теперь не было ярмарки, приехали лопари Воронежского, Пулозерского, Семиостровского, Кильдинского и Каменского погостов. За 100—150 верст приехали на праздник даже с грудными и маленькими детьми.

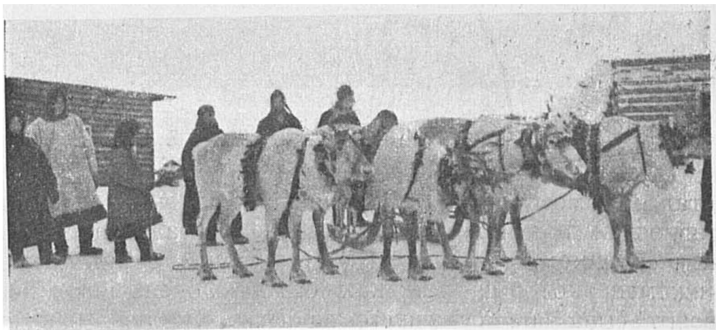
После обедни был крестный ход на иордань, в которой после водосвятия купалась одна женщина, а затем купали или обливали водой оленей. Нам пришлось видеть лишь жалкий пережиток, еще недавно бытовавшего обычая. Церковь была полна народа, одетого

празднично. Лопарки были в своих вышитых бисером головных уборах, пестрых и ярких платьях, кофтах и платках, частью без малиц или печков. Особенно интересны были ижемки в своих длинных до пяток малицах, покрытых красивыми цветными «рубашками», у бога-

Ижемец с оленями около своего дома.

тых—шелковыми. Глядя на группу высоких девушек, плавно шедших по яркому снегу в малицах, крытых темно-зеленым шелком с белыми меховыми капюшонами, завязанными розовыми ленточками, невольно представлялось отдаленное прошлое. Среди бывших на иордани можно было видеть жениха и невесту—лопарей, державшихся все время за концы общего белого платка.

Олени в праздничной упряжи.

В прежнее время одним из праздничных развлечений было катанье на оленях. Приезжали на лучших оленях с изумительной упряжью, украшенной бисером по красному и желтому сукну. Кое-кто и теперь приехал в полном параде. Надо видеть хотя бы одну подводу, запряженную четверкой белых красивых оленей, на которых красное и

желтое сукно с изящным бисерным украшением и медными бубенцами выделяются яркими пятнами, чтобы представить праздничное катанье в Ловозере. Мы видали такие подводы, но при нас вместо обычного катанья, были устроены исполкомом гонки. Гонки привлекли общее внимание, но на них выступило немного участников, заботящихся лишь о скорости бега. Первый приз в 20 руб. получил самоед, пробежавший на тройке оленей 2 километра в 2 мин. 5 сек., 15 руб. получил лопарь, пробежавший—в 2 мин. 12 сек., 10 руб. получил ижемец—за лучший бег оленей рысью. Налюбовавшись прекрасной лихой ездой, при которой многократно ездоки валялись в снегу и сломали не одни сани, зрители были довольны и результатами гонок. Первый

На второй день свадьбы у ижемцев.

приз достался самому бедному человеку. Наконец, представители всех народностей получили призы, что не вызвало нареканий с национальным оттенком. Повидимому, огорченным остался лишь наш хозяин—ижемец, который, так как сам был очень пьян, послал на гонки своего сына, не сумевшего прогнать оленей как следует. Старику не важны были деньги, а обидно то, что подорвана была его слава, как лучшего ездока рысью. Пришлось нам вмешаться, чтобы неудача сына не привела к побоям.

Как и раньше, к Крещенью приурочиваются свадьбы. Нам пришлось видеть лопарскую и ижемскую свадьбы и вечеринки. Наряду с сохранением старых обычаев в том числе у лопарей «уточка», в костюмах и танцах было очень много нового. Сюда проникли не только кадрили и полька, но и тустеп, краковяк, па-де-спань и т. д.

Правда, новые танцы умеют исполнять не все. У лопарей самым большим успехом пользуется «опчая», когда в маленькой комнате буквально не остается пустого места и все как-бы топчутся в общей массе. На ижемской вечеринке в богатом доме, кроме танцев, водили хоровод, под русские песни: «По за городу», «В хороводе были мы», «Капустка» и т. д. Здесь были очень стильны девушки и женщины в особо повязанных шелковых платках, заменяющих старинные ленты и кокошники, употребляющиеся теперь лишь на свадьбах. На ижемской свадьбе угощали всех «бражкой» — мутная сладковатая самодельная водка, — олениной, пирогом с рыбой (кумжой), пшенной кашей и клюквенным киселем. У кого не было свадьбы, ходили по гостям и принимали гостей. Веселье продолжалось несколько дней — с бражкой, но почти без водки. По крайней мере, мы не видели водки, хотя заходили во многие дома. Вечером поражала тишина в селе, мало похожая на праздник.

Ижемки в праздничных нарядах.

Праздник давал нам возможность без особого стеснения ходить по домам, помог ознакомиться с постройками, домашним бытом, и вместе с тем выяснить ряд хозяйственно-бытовых вопросов, в частности, вопрос о перекочевках. Завязав знакомства, В. В. Чарнолуский при содействии нескольких лопарей в течении десятидневного пребывания в Ловозере собрал материал для составления карты перекочевок и оленьих пастбищ.

Хотя мы участвовали в празднике, для нас он был тем более рабочим временем. Мы всемерно стремились использовать съезд лопарей для антропологических измерений. Работая с утра до наступления темноты, мы измерили 65 лопарей мужчин, 8 женщин и 30 ижемцев.

Событием, отличающим современный праздник, были волостной съезд советов, митинг памяти В. И. Ленина и 9 Января 1905 года,

два спектакля и танцы. Народа было очень много. К сожалению, ребята так шумели, что трудно было слушать. Многие были недовольны и жаловались, что непонятно. Устроенные после спектакля танцы прошли очень весело и оживленно. Сочетание европейских танцев и лопарских и ижемских костюмов и типов было интересно и своеобразно. Из мелочей, являющихся показателем моды и вкусов молодежи, наше внимание привлекло употребление в качестве украшения английских булавок, прикалываемых в количестве 2 — 8 на кофточках и пиджаках.

В гостях на празднике.

Пребывание в Ловозере еще более укрепило нас в намерении доехать до с. Поноя и ободрило, дав нам практические сведения, полезные для осуществления пути. Следующий перегон был около 160—170 клм., при чем большая часть пути шла по безлесной тундре. В холодный или ветренный и снежный день этот путь мог быть очень тяжелым, тем более, что никакой дороги от Ловозера до Семиостровского погоста нет. Едут, лишь зная направление пути и ряд примет, которые позволяют благополучно добираться от погоста до погоста. Нам удалось найти попутчиков, возвращающихся с праздника, и узнать, что по пути можно заехать в Ляозеро, находящееся в 65 км. от Ловозера.

Около 12 часов ночи при яркой луне и слабом северном сиянии отправились мы в Семиостровский погост на пяти подводах, так как, кроме ямщиков, с нами ехали их жены с трехлетним и годовалым